

В. Розанов

О Понимании

**Опыт исследования природы, границ и
внутреннего строения науки как цельного
знания**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Розанов**
О Понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / В. Розанов –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 747 с.

ISBN 978-5-458-12940-4

О Понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания.

ISBN 978-5-458-12940-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если наши успѣхи въ наукѣ незначительны, то наше пониманіе ея природы, границъ и цѣлей ничтожно. Трудясь въ отдѣльныхъ областяхъ знанія, мы никогда не имѣли ни случая, ни необходимости задуматься надъ нимъ, какъ цѣлымъ. Не мы устанавливали вопросы, на которые отвѣчали приобретаемыя нами знанія, и не мы находили имъ мѣсто въ ряду другихъ, равнѣ установленныхъ знаній. Въ построеніи великаго зданія человѣческой мысли мы были дѣлателями, но мы не были зодчими.

Такое положеніе трудящихся, отъ которыхъ остается скрытымъ и то, что именно возводится ими, и то, зачѣмъ оно возводится и гдѣ предѣлъ возводимого — не можетъ быть удобно. Не говоря уже о невольныхъ ошибкахъ, къ которымъ ведетъ это положеніе, оно непріятно и потому, что всякій трудъ, цѣль и окончаніе котораго не видны, утомителенъ.

Но и ошибки, невольныя при этомъ условіи, не мало важны. Можетъ случиться, что строящіе уклонятся отъ плана, котораго они не видятъ, и вмѣсто необходимаго возведутъ ненужное, что придется или оставить недостроивши, или, еще хуже, совсѣмъ уничтожить. Можетъ случиться также, что строители, у которыхъ скрытъ планъ, сами не согласны между собою относительно его, и въ то время, какъ одни заботятся о высотѣ и красотѣ

зданія, другіе находятъ такую постройку непрочною и неудобною. Въ этомъ случаѣ довѣрчивые труженики могутъ трудиться надъ взаимно противоположнымъ.

Нѣчто подобное, какъ кажется, и дѣйствительно случилось. То, что въ умственной области создается человекомъ, съ давняго времени носитъ два названія — науки и философіи. Уже эта двойственность имени является странною аномаліею, возбуждающею сомнѣнія: если разумъ одинъ и истина одна, то какимъ образомъ могли произойти различныя названія для того, что является результатомъ дѣятельности перваго и совокупностью вторыхъ. Но за различіемъ именъ скрывается и различіе дѣйствительности; тотъ глубокий антагонизмъ, которымъ проникнуты всѣ отношенія науки и философіи, показываетъ, что и въ самомъ дѣлѣ есть двѣ независимыя области, куда разумъ несетъ свои пріобрѣтенія, и что слѣдовательно единства познанія не существуетъ.

Мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе доводовъ, которыми каждая область защищаетъ свое право на исключительное господство въ умственномъ мірѣ. Тамъ, гдѣ все сомнительно, трудно высказать что-либо несомнѣнное. Откажемъ только, что доводы одной стороны не кажутся убѣдительными для другой, и вмѣсто того, чтобы согласившись идти къ однимъ цѣлямъ однимъ путемъ, наука и философія продолжаютъ развиваться каждая самостоятельно, взаимно отрицая другъ друга.

Однако какъ бы ни достовѣрны были знанія, составляющія содержаніе обѣихъ областей, не менѣе ихъ достовѣрна старая истина, что объ одномъ не можетъ быть двухъ знаній одновременно и различныхъ, и справедливыхъ. И слѣдовательно если нѣтъ единства познанія, то нѣтъ и убѣдительности въ немъ.

При такомъ раздвоеніи умственной дѣятельности, положеніе выжидающаго скептицизма было бы самое правильное для насъ. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно принудить себя вѣрить въ плодотворность труда, когда нѣтъ единства ни въ цѣли его, ни въ способахъ, какими онъ могъ бы успѣшно выполняться, ни въ указаніяхъ, въ чемъ именно состоитъ онъ. И если побочные интересы могутъ продолжать еще дѣйствовать на насъ, то интереса чистаго знанія здѣсь уже не можетъ быть. Съ точки зрѣнія послѣдняго намъ остается или выждать, чѣмъ разрѣшится споръ, или принявъ участіе въ немъ попытаться ускорить его разрѣшеніе.

Однако есть еще одно, что можетъ стать предметомъ нашей дѣятельности. Это—обозрѣніе въ цѣломъ того, надъ отдельными отраслями чего мы трудились до сихъ поръ. Именно для насъ, никогда не задававшихся подобною цѣлью, выполненіе ея не можетъ не быть плодотворно.

Повидимому совершить это обозрѣніе внѣ предѣловъ науки и философіи невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни противоположны онѣ, ими исчерпывается совокупность всего до настоящаго времени созданнаго разумомъ чловѣка. И, слѣдовательно, каково бы ни было достоинство построеннаго, ключъ къ его разумѣнію можетъ лежать только въ планѣ, хотя бы и двойномъ, того, что строило.

Это положеніе обозрѣвающаго могло бы стать безвыходнымъ, еслибы внѣ науки и внѣ философіи не лежало третьяго, что можетъ быть поставлено на ряду съ ними, чего не можетъ коснуться сомнѣніе, и что способно послужить къ раскрытію природы, границъ и строенія обозрѣваемаго. Это — *Пониманіе*.

И въ самомъ дѣлѣ, въ сторонѣ отъ спора, раздѣляющаго науку и философію, и внѣ каждой изъ спорящихъ

сторонъ лежитъ истина, что какова бы ни была дѣятельность разума, она всегда будетъ по существу своему пониманіемъ, и кромѣ этого же пониманія ничего другого не можетъ имѣть своею цѣлью. Въ этой истинѣ, какъ повидимому ни проста она, заключается способность дать рядъ выводовъ, воспользовавшись которыми можно, не касаясь ни науки, ни философіи, опредѣлить то, къ чему должна стремиться и первая, и вторая.

И если необходимо сомнительны, какъ противорѣчащія, указанія науки и философіи на то, чѣмъ должно быть возводимое зданіе человѣческой мысли, то указанія, вытекающія изъ того одного, что оно должно быть пониманіемъ, не могутъ быть сомнительны такъ же, какъ и сама эта истина.

То же, что входитъ въ содержаніе науки и философіи, что не относится къ плану, но составляетъ лежащее внутри его, по указаніямъ, вытекающимъ изъ идеи пониманія, можетъ размѣститься безъ вражды и противорѣчія въ формахъ его. Но послѣднія не будутъ всѣ наполнены, потому что *Пониманіе* не только несомнѣннѣе науки и философіи, но и обширнѣе, чѣмъ онѣ. Формы, оставшіяся незамѣщенными, укажутъ, какихъ границъ и какихъ цѣлей еще не достигъ человѣкъ, и что, слѣдовательно, предстоитъ еще выполнить ему.

Въ идеѣ пониманія не заключено никакого знанія, способнаго стать содержимымъ, но только знанія относительно содержащаго. Поэтому выводимое будетъ рядомъ истинъ формальнаго значенія. Онѣ образуютъ собою: опредѣленіе науки ¹⁾, выдѣляющее ее изъ ряда всѣхъ

¹⁾ Здѣсь, какъ и всюду далѣе, слово «наука» будетъ употребляться не въ смыслѣ того, что существуетъ подъ этимъ именемъ, но въ значеніи

другихъ областей человѣческаго творчества и строго устанавливающее ея границы извнѣ, ученіе о строеніи науки, т. е. о тѣхъ внутреннихъ формахъ ея. выполнение которыхъ должно стать содержаніемъ ея будущаго развитія, и ученіе объ отношеніи ея къ природѣ челоуѣка и къ его жизни, и его воли къ ней.

Такъ какъ въ томъ новомъ смыслѣ, какой мы придаемъ ему, *Пониманіе* становится полнымъ органомъ разума, то мы не ограничимся одною формальною стороною вывода, но и присоединимъ къ ней многое, что касается самого содержанія. Именно, отмѣчая формы. изъ которыхъ слагается наука, будемъ всякій разъ или устанавливать истины, которыя должны лечь въ основаніе каждой изъ нихъ, или указывать путь, которымъ эти истины могутъ быть найдены.

того, что существовало ранѣе раздѣленія знаній на науку и философію, и что должно было бы существовать теперь, еслибы не было этого раздѣленія. Этого, теперь уже двусмысленнаго слова, нельзя избѣжать, говоря о Пониманіи, замѣняящемъ — науку ил. философію ил., трудно сказать, — *вследствіе недостающаго* въ нихъ, и возмѣщающемъ недостатокъ.

КНИГА I.

Опредѣленіе науки.

ГЛАВА I.

О предметѣ, содержаніи и сущности науки.

I. Определеніе науки. Двойственное значеніе этого определенія: его первая часть раскрываетъ предметъ, содержаніе и сущность науки; его вторая часть раскрываетъ отношеніе науки къ природѣ чловѣка. Раскрытіе внутренняго содержанія первой части определенія и доказательства справедливости ея. — II. Незмѣнно существующее, какъ объектъ науки; временно существующее, какъ объектъ простаго, ненаучнаго знанія. — III. Незмѣнное познаніе, какъ содержаніе науки; истинность, какъ условіе неизмѣнности познанія; определеніе истиннаго и ложнаго въ познаніи. — IV. Пониманіе, какъ сущность науки. Различіе между знаніемъ и пониманіемъ. Выводъ признаковъ перваго и втораго. Полнота познанія, содержащагося въ пониманіи. Способность пониманія къ усовершенствованію; анализъ и синтезъ, какъ два фазиса этого усовершенствованія; предвидѣніе и всемогущество, которыя даетъ чловѣку усовершенствованное пониманіе. — V. Умъ и Разумъ, какъ источники знанія и пониманія. Пассивный характеръ ума и его дѣятельности; активный характеръ разума и его дѣятельности. Причина этой активности лежитъ въ самой природѣ понимающаго, а не во внѣшнихъ условіяхъ пониманія. VI. Отдѣленіе знаній отъ пониманія, и выдѣленіе ихъ изъ области науки. Два условія, дѣлающія необходимымъ это ограниченіе области науки областью пониманія: невозможность ввести въ науку все знанія безъ различія, и невозможность провести различіе между отдѣльными знаніями. Три признака, по которымъ вводятся обыкновенно въ науку знанія, относятся не къ природѣ вводимыхъ знаній, но къ способамъ пріобрѣтенія ихъ. Заблужденіе, лежащее въ основѣ позрѣній тѣхъ, кто вводитъ въ науку эти знанія.

I. Такъ какъ дѣятельность разума неизмѣнно направляется къ пониманію и въ немъ же одномъ состоитъ какъ процессъ; и далѣе — такъ какъ это пониманіе, не будучи промежуточно, но конечно въ его (разума) дѣятельности, естественно стремится стать неподвижнымъ, то правильнымъ и полнымъ определеніемъ науки будетъ слѣдующее: она есть *неизмѣнное пониманіе неизмѣнно существующаго.*

въ стремленіи и въ способности образоватъ которое раскрывается природа человеческого разума.

Изъ существующихъ знаній всѣ тѣ, которыя обладаютъ характеромъ, выраженнымъ въ этомъ опредѣленіи, входятъ въ составъ науки; изъ знаній же, не обладающихъ этимъ характеромъ, нѣкоторыя хотя и называются обыкновенно научными, однако ихъ справедливѣе было бы выдѣлить изъ области науки, такъ какъ между ними и между знаніями несомнѣнно ненаучными нельзя провести опредѣленной границы. Такимъ образомъ опредѣленіе это можетъ служить критеріумомъ для отдѣленія знаній, могущихъ остаться въ наукѣ или быть введенными въ нее вновь, отъ знаній, которыя не могутъ ни оставаться въ ней, ни когда либо вводиться въ нее.

Оно естественно распадается на двѣ части. Изъ нихъ одна раскрываетъ природу науки и черезъ это опредѣляетъ ея границы извнѣ, указывая, что не есть наука. Другая часть раскрываетъ отношеніе этого заключеннаго къ разуму, изъ котораго исходитъ оно.

Что ни одно изъ понятій, вошедшихъ въ это опредѣленіе, не извлечено изъ чего либо лежащаго внѣ истины, принятой за основную, это сдѣлается очевиднымъ при разсмотрѣніи самыхъ понятій.

II. Предметомъ науки можетъ быть только неизмѣнно существующее. Это требованіе вытекаетъ изъ того, что пониманіе есть единственная дѣятельность разума. Потому что если бы послѣдняя могла состоять еще изъ чего либо другаго, то ради этого другаго, какъ цѣли, пониманіе могло бы временно возникать и измѣняться по времени, какъ средство. Если же оно одно есть цѣль, и къ этой цѣли направлена вся дѣятельность разума, то нѣтъ причины и условія для его измѣненія — оно должно быть постояннымъ. Но характеромъ постоянства могутъ обладать только знанія о неизмѣнно существующемъ, всякое же знаніе о временно существующемъ необходимо будетъ временнымъ — оно утрачиваетъ свое значеніе съ исчезновеніемъ того, что составляетъ предметъ его. Это можно

видѣть изъ слѣдующаго примѣра: знаніе различныхъ случаевъ теплоты, или различныхъ случаевъ движенія тѣлъ не составляетъ науки и не входитъ въ нее, но знаніе постоянныхъ свойствъ теплоты и постоянныхъ законовъ движенія образуетъ науку; потому что замѣченные случаи нагрѣванія или движенія исчезли и могутъ не повториться, а съ ними и то, что мы замѣтили о нихъ, исчезло утративъ свое значеніе; свойства же теплоты и законы движенія никогда не исчезнутъ и будутъ постоянно обнаруживаться въ явленіяхъ теплоты и въ явленіяхъ движенія; какъ бы ни измѣнялись послѣднія — поэтому и знаніе о нихъ никогда не утратитъ своего значенія. Основываясь на этомъ не будетъ ошибочнымъ сказать, что знаніе и всего, что случилось съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не составило бы науки, ни даже малой части ея; но выводъ одного постоянного закона или одного постоянного свойства уже кладетъ основаніе наукѣ, уже составляетъ часть ея.

Ясно, что опредѣливъ, что въ существующемъ временно и что постоянно, мы опредѣлили бы, знаніе чего не составляетъ науки и знаніе чего образуетъ ее. Временно въ немъ то, что единично и частно, а постоянно общее, производящее это единичное и частное. Первое проявляетъ собою второе, это послѣднее проявляется въ немъ. Такимъ образомъ въ каждомъ существующемъ и во всемъ происходящемъ, будетъ ли то вещь или явленіе, есть двѣ стороны — временная, наружная и обусловленная, и постоянная, скрытая и обусловливающая. Только вторая составляетъ объектъ науки, первая же служитъ предметомъ простаго, ненаучнаго знанія.

Такъ вещество не произведенное и не обусловленное вещами производитъ и обусловливаетъ вещи и въ нихъ проявляется; въ вещей неизвѣстно вещество и не можетъ быть познаваемо; но познаніе самыхъ вещей было бы ничтожно, если бы черезъ нихъ мы не познавали вещества. Такъ силы не произведены и не обусловлены явленіями, но производятъ и обусловливаютъ ихъ и въ нихъ проявляются; въ явленій неизвѣстны силы и не

могутъ быть наблюдаемы; но самое наблюденіе этихъ явленій не имѣетъ значенія, когда въ нихъ не наблюдаются силы. Такъ законы не созданы и не опредѣлены существующимъ и происходящимъ, но создали и опредѣлили порядокъ въ происходящемъ и соотношеніе въ существующемъ; въ этого порядка и соотношенія не проявляются законы и не могутъ быть изслѣдованы; но изслѣдуя этотъ порядокъ и соотношеніе мы интересуемся не имъ самимъ, но тѣмъ невидимымъ и скрытымъ, что произвело его и что мы называемъ закономъ его. Такъ типы, по которымъ образуется все въ Космосѣ и происходитъ все въ генезисѣ не созданы этимъ возникающимъ и умирающимъ во времени, но могущественно направляютъ образующую силу и опредѣляютъ формы, въ которыя отливаются предметы и явленія. Въ этихъ единичныхъ предметахъ и процессовъ не могутъ быть познаны эти типы; но познавая эти отдѣльные предметы и процессы, мы должны имѣть въ виду не описаніе только ихъ, но опредѣленіе этихъ типовъ, какъ невидимыхъ формъ, въ которыя влагается природою все видимое.

III. Относительно этого неизмѣнно существующаго чело-вѣкъ можетъ образоватъ знанія ложныя и истинныя. Первые въ самой природѣ своей носятъ начало измѣняемости: они или замѣняются другими ложными знаніями, или исчезаютъ, когда на мѣсто ихъ становятся знанія истинныя. Последнія же по самой природѣ своей неизмѣнны: потому что нѣтъ другаго знанія, которое могло бы замѣнить ихъ.

Такимъ образомъ временныя знанія, которыя или будучи истинны имѣютъ предметомъ временное, или имѣя предметомъ постоянное — ложны. Вѣчныя же знанія суть тѣ, которыя и истинны, и имѣютъ предметомъ постоянное. Только послѣднія образуютъ науку; это требованіе такъ же обусловливается тѣмъ, что содержаніе ея не можетъ измѣняться.

Теперь разсмотримъ, что нужно разумѣть подъ знаніями ложными и истинными. Ложныя знанія суть тѣ,